

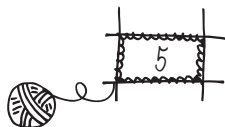
Последние десять лет Клара Паркс практически каждые две недели либо приезжала в какой-нибудь город, либо уезжала из него. Глаза и уши (и пальцы) вязального мира — она повидала много чего.

В «Книтландии» она увлекает читателей в незабываемые путешествия — большие и малые — из фьордов Исландии в уютный магазин пряжи в 13-м округе Парижа, из шумной прядильной фабрики в Таосе на фестиваль в Эдинбурге.

С присущими ей красноречием и юмором Паркс искусно прядет нить повествования — личного, но в то же время универсального — о самой сути, о том, что значит быть вязальщицей.

Содержание

В путь.....	6
В погоне за легендой в Таосе.....	11
От бейсбола до Бродвея.....	28
Бойкие клубочки и крутые тачки.....	38
Нагая лопи.....	46
Благородное руно и жареное тесто.....	91
Счастье в Лавленде.....	105
Стекло, трава и сила места.....	119
Гроза в Париже.....	136
Танцы с носками и очень большие планы.....	153
Эксклюзив и фо с собой.....	163
Прямой эфир из Кливленда.....	176
Осень на Гудзоне.....	190
Веселье в Миннетонке.....	202
В поисках сокровищ в «городе на высоте мили».....	210
Кашемировые мечты и британские породы.....	229
Безумный роман с бакланами.....	260
Благодарности.....	284
Отзывы на книгу.....	287

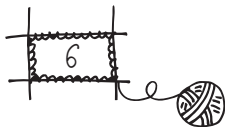

В ПУТЬ

Когда мне было шесть лет, мы с мамой как-то ездили в магазин за продуктами. По возвращении она не стала возиться с дверью гаража, а просто припарковалась на подъездной дорожке и ушла в дом, оставив меня дремать в машине, как обычно. Проснувшись, я отстегнула ремень безопасности и пошла домой обедать. Через несколько минут в нашу дверь постучал человек в форме и сказал: «Ваша машина горит».

Столб дыма поднимался над тем, что было нашим надежным минивэном VW Bus. Как нам пояснили, скорее всего, лопнул топливный шланг, и бензин, попав на все еще горячий двигатель, воспламенился. Все четыре шины расплавились, а стекла разлетелись на миллион мелких осколков. Можно было бы подумать, что этот опыт полностью отвадил меня от автомобилей. Как ни странно, произошло наоборот. Это лишь усилило мое желание путешествовать, словно реальная опасность заключается в том, чтобы остановиться на одном месте.

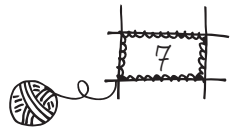

Мое детство прошло в грандиозных поездках, в приключенческих путешествиях на старых автомобилях по всей Америке, в играх в слова и в подсчетах номерных знаков машин. После развода мама перевезла нас в Тусон, где мы открыли для себя более простые способы побега. Иногда по выходным, так и не дождавшись звонка от очередного бойфренда, она бормотала проклятия, и все грузились в машину. Опустив стекла, мы мчались за закатом по Восточному бульвару Спидвей, пока уличные фонари и тротуары не уступали место бесплодной пустыне и длинным теням кактусов сагуаро.

Извилистая дорога вела вверх, вверх, вверх, и вдруг резкий поворот выводил нас прямо к перевалу Гейте Пасс. Впереди открывался бескрайний пейзаж. Потом мы спускались с горы в безжизненную пустыню. Подыскивали местечко и съезжали на обочину. Как только стихал шум автомобиля, наступала оглушительная тишина пустыни. По мере того как наши глаза привыкали к темноте, в небе постепенно проявлялся настоящий сверкающий город огней. Мама обычно лежала на капоте машины, а мы с братьями, как гремучие змеи, предпочитали тепло асфальта пустой дороги.

Запах пустыни был сладким и экзотичным. Лежа на земле, я видела над собой только звезды. Казалось, того и гляди, гравитация повернется вспять и небо поглотит меня. И я полечу вверх, вверх, вверх, в космос.

В конце концов мама окликала нас, и мы возвращались в машину. Стоило лишь миновать перевал, и огни Тусона снова мерцали впереди, как драгоценные кам-

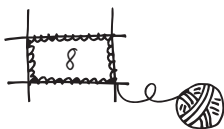

ни на черном бархате, зовя нас домой. Обычно мы не уезжали далеко от города, но даже такое короткое путешествие, всего лишь за перевал, удовлетворяло мою потребность в странствиях.

Моей первой настоящей работой после колледжа стало создание путевых очерков для издательства еще в эпоху до появления интернета. На самом деле и я, и мои коллеги-авторы редко куда-то ездили. Мы обзванивали всякие конторы и брали интервью у людей, которые понятия не имели, что у них берут интервью. Шерстили разные источники, работали с внештатными сотрудниками на местах и умудрялись собирать всю самую свежую и оригинальную информацию. Настоящие профессионалы в написании коротких отзывов. Мы с моим коллегой Джоном Пинсоном даже получили премию от Общества американских авторов путевых очерков. Шел 1995 год.

Когда эта работа изжила себя, я сосредоточила свои усилия в области высоких технологий и стала уже по-настоящему ездить в командировки. Перемещаясь из конференц-центров в конгресс-центры крупных сетевых отелей, из актового зала обратно в аэропорт, освещала мероприятия с такими названиями, как «Базы данных» и «Мир Клиент-Сервер» или «Экспо БД». Я участвовала в брифингах с вице-президентами высокотехнологичных компаний, каждую секунду ловя себя на мысли, что надо сматываться, пока они не поняли, как мало я разбираюсь в этих вопросах.

Еще работая в сфере высоких технологий, я запустила свой онлайн-журнал по вязанию Knitter's Review.

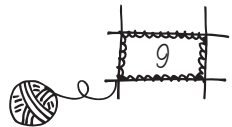
Это был 2000 год. Я захотела стать глазами и пальцами для вязальщиц как раз в такое время, когда мир резко наполнился новой пряжей, инструментами, книгами, гаджетами и интересными событиями. Той осенью я впервые отважилась отправиться на фестиваль овец и шерсти, который проходил в Вермонте. Позвонила по номеру, указанному в программе, чтобы задать интересные меня вопросы. Ответившая женщина была довольно дружелюбна и вскоре уже предложила мне остановиться у нее дома на выходные. «Все равно я буду все время на ярмарке, — сказала она, — так что дом будет в твоём полном распоряжении».

*Вязание вложило
в мои руки
идеальную
призму, через
которую можно
увидеть весь мир*

Я отказалась, полагая, что она вполне может оказаться тем самым человеком, у которого в холодильнике лежат дохлые кошки. Но добравшись наконец до ярмарки, увидела, что там царило такое же дружелюбие. Никто не знал, кто я и чем занимаюсь, они просто были — или, по крайней мере, казались — искренне добрыми.

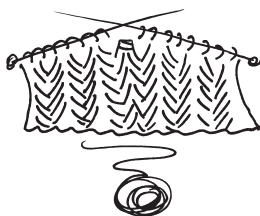
Им не терпелось поделиться своими историями, ответить на мои вопросы и дать советы. Такой обмен информацией заряжал энергией. Мне все это так понравилось, что я поехала еще на один фестиваль, а потом еще на один, и еще.

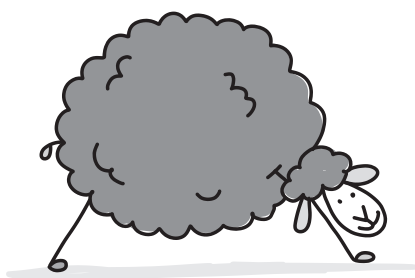
Вязание вложило в мои руки идеальную линзу, через которую можно увидеть весь мир. Я намотала тысячи

километров за те пятнадцать лет, что пишу обзоры для Knitter's Review, ведь практически каждые две недели либо приезжала в новый город, либо уезжала из него. Никогда целью моего путешествия не были головокружительные небоскребы или пафосные залы заседаний совета директоров. Я отправлялась в магазин пряжи, на прядильную фабрику, фестиваль овец и шерсти, ну или, может, в гостиницу или на ярмарку, захваченную, пусть и временно, вязальщицами. Каждое мое путешествие по-своему уникально, но главная цель — всегда одна. Я стала проповедником пряжи, я путешествую в поисках своей паствы.

Рассказы в этой книге относятся к тому времени, когда интернет был еще в зачатке, а рассылки по электронной почте, такие как мои, — невиданным ранее способом донести информацию и создать сообщество, которое мы считали небольшой онлайн-группой вязальщиц. Это истории наших встреч, людей и мест, важных событий и легенд, которые сыграли жизненно важную роль в динамично развивающейся культуре вязания.

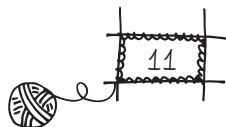

В погоне за легендой в Таосе

Однажды, много лет назад, Луиза Гелентер выбирала продукты на ужин в магазинчике в Таосе, штат Нью-Мексико. И где-то в овощном отделе вдруг почувствовала, что кто-то стоит прямо у нее за спиной. Отойдя в сторону, она продолжила делать покупки, но тот человек снова подкрался к ней сзади. В раздражении она перешла к другой полке. Когда таинственный преследователь приблизился к ней вновь, Луиза обернулась и рявкнула: «Ну что надо?» Едва она успела произнести эти слова, как осознала, что перед ней — Джулия Робертс. Кинозвезда и заядлая вязальщица оказалась большой поклонницей творчества Луизы и просто постеснялась представиться.

Кто знает, как все было на самом деле, но именно эту историю любила рассказывать Луиза. В мире пряжи Луиза Гелентер стала легендой. Используя только воду

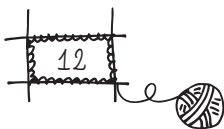

и отборные минералы, насекомых, шкурки, ветки, корни, листья, лепестки и порошки, а еще знания, полученные в Боливии в начале 1970-х годов, она могла превратить натуральные волокна, такие как обычная шерсть и мохер, в яркую волшебную пряжу для вязания, ткачества и прочих творческих занятий. В конце концов ее пряжу стали производить на прядильной фабрике, но в самом начале всю пряжу она доверяла лишь узкому кругу проверенных прядильщиков, которые создавали роскошные, живые, насыщенные цветом мотки, единственные в своем роде. Одежда, связанная из такой пряжи, стоила целое состояние и была достойна любой красной дорожки.

В 1974 году Луиза открыла магазин под названием La Lana Wools, он помещался в старой студии Берта Филлипса¹ в центре Таоса. Как Филлипс превратил Таос в место притяжения для художников, так и Луиза — для любителей натурального крашения. Как ткачи гобеленов стекались в Таос, чтобы поучиться у легендарной Рейчел Браун, так с конца 1970-х до начала этого века La Lana была местом паломничества для всех, кто интересовался натуральными красителями или пряжей натурального крашения.

Пряжа у Луизы была настолько оригинальной, что на ее фоне прочие магазины продавали спряденный эквивалент лапши быстрого приготовления. Большая часть пряжи производилась небольшими партиями из

¹ Берт Филлипс (1868–1956) — американский художник, живший в Таосе, Нью-Мексико. Известен своими картинами, изображавшими коренных американцев.

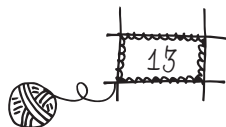
волокон, окрашенных естественным способом, которые смешивали и скручивали вручную в неповторимые мотки особенного качества. Они продавались на вес, как золото, — по 30 граммов. Производство каждого мотка состояло из многочисленных операций и требовало много времени — и, соответственно, высокой цены за такую работу, — поэтому она не имела конкурентов на этом рынке.

Я приехала на Таосский фестиваль шерсти, и тогда впервые увидела La Lapa. Октябрь в Нью-Мексико — это время чили, воздух был наполнен уникальным ароматом чили, который обжаривают на гриле на открытом воздухе. В горах Сангре-де-Кристо уже начинали опадать листья, но в городе все еще цвели розовые мальвы и русский шалфей, приятно контрастируя на теплом фоне глинобитных стен.

*Такая одежда
была способна
сокрушить любого
нерешительного
человека.*

Фестиваль проходил в парке Кит Карсон в центре города. Там широким кругом, словно караван фургонов переселенцев в конце дня, располагались прилавки избранных продавцов. В середине круга дуэт скрипки и гитары наигрывал мелодии, а люди танцевали на траве. Обстановка была волшебной.

La Lapa в тот год не участвовала в фестивале, как я подозреваю, по той простой причине, что магазин располагался совсем рядом с парком. Поэтому я, следуя зову сердца и долгу, покинула фестивальную площадку,

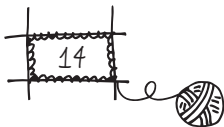

перешла через дорогу и через маленький дворик и зашла в La Lana.

Едва переступив порог, я оказалась словно в магазине готовой одежды. Это было похоже на трейлер с гардеробом для съемок экзотического фильма — фантазийные текстурированные жилеты и туники, нечто среднее между индейскими гобеленами и церемониальными одежаниями. Такая одежда сокрушила бы любого робкого человека. Эти произведения искусства требовали величия. Ходили слухи, что по крайней мере одно из них принадлежало Джулии.

Дальше комната переходила в пространство, которое я не могу описать никак иначе, как храм пряжи. В комнате была массивная стена с окнами на север, сохранившаяся с тех времен, когда здесь находилась студия Филлипса. Но теперь вместо красок на холсте свет из окна освещал шедевр Луизы: струящийся водопад из множества сплетенных вручную мотков взрывного цвета и текстуры, нечто, не похожее ни на что, когда-либо виденное мной. Блестящие мохеровые пряжи мерцали на фоне матовых шерстяных волокон, которые, казалось, все еще находятся в процессе скручивания. Это настолько потрясло, было необыкновенно и впечатляюще, что оставалось лишь замереть на месте и ахнуть от изумления. Это место заставляло говорить шепотом.

Я лишилась дара речи. Все, что смогла, так это сделать украдкой пару снимков, купить несколько мотков пряжи и потихоньку выскользнуть из магазина. После

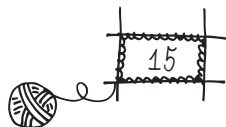

того как я написала об этом визите в Knitter's Review, я получила письмо от Луизы, и мы понемногу начали вежливую переписку.

Несколько лет спустя я вновь поехала в Таос, специально, чтобы повидаться с Луизой. Я писала книгу «The Knitter's Book of Yarn» и хотела узнать больше о внутренней кухне производства пряжи. По счастливой случайности у Луизы уже была собственная прядильная фабрика. В 1991 году она вместе с двумя деловыми партнерами запустила производство шерсти в долине Таос. Одним из ее партнеров по бизнесу стал Роберт Доннелли — ветеран индустрии, которого сама Луиза представляла всем как своего гуру во всем, что касается пряжи. «Он может рассказать тебе все», — говорила Луиза. Мне как раз нужно было знать все, поэтому, когда нас пригласили в Нью-Мексико на свадьбу дальнего родственника, я тут же написала Луизе по электронной почте и договорилась о встрече.

Мы приехали в город всей своей семьей. Когда все отправились в гостиницу, я поехала в La Lana, чтобы нанести, как я думала, короткий визит. На этот раз я подошла к женщине за кассой, представилась и сказала, что хотела бы увидеться с Луизой. Чтобы утихомирить бабочек в животе, я сделала вид, что изучаю корзину с красителями.

Позади раздался зычный голос. Казалось, все расступились — если не физически, то энергетически — перед невысокой, коренастой, немолодой женщиной, которая только что вошла.

Сделав глубокий вдох, я улыбнулась и протянула ей руку для приветствия. Но Луиза ее не пожала. «Не, — покачала она головой. — Ты не Клара. Слишком молодая».

Я не настолько хорошо ее знала, чтобы понять, серьезна она или нет, но выглядела она рассерженной. Вся моя уверенность куда-то испарилась, внезапно я почувствовала себя маленьким ребенком, выскочкой. Ей было, наверное, за шестьдесят, она уже стала легендой, у нее даже были свои помощники и протеже, которые выполняли тяжелую работу. Луиза приняла меня за кого-то равного ей, хотя на самом деле я была только в начале пути.

Мы исправили ситуацию небольшой беседой ни о чем, и она показала свой магазин. Вспомнив, зачем я пришла, она спросила: «Поедем к Роберту?» Фабрика находилась за городом. Туда можно добраться только на машине, объяснила она. «Есть машина?» Я промямлила, что машина припаркована возле отеля, это прямо напротив...

«А, черт с ней, — она покачала головой, — я поведу».

Не так я себе все это представляла.

Мы сели в древний Volvo, мне пришлось осторожно разгрести заднее сиденье. Машина была как помойка. Не такая помойка, как в телешоу «В плену ненужных вещей», а своего рода хаотичная свалка, которую можно представить в машине Джексона Поллока.² Среди пустых

² Джексон Поллок (1912–1956) — американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX века.

